

Зависть как политическое оружие

Зависть — самая недооценённая из всех человеческих эмоций, часто отрицаемая и скрываемая. Никто не любит признавать, что завидует., Люди скорее предпочитают верить, что это чувство испытывают только другие. Признание зависти подразумевает, что объект зависти обладает чем-то желанным — чем-то, чего нет у завистника. Это осознание может вызвать неудобные вопросы о собственной самооценке: может быть, тот, кому я завидую, умнее, трудолюбивее или креативнее меня?

Исторически зависть считалась одним из семи смертных грехов. Сегодня зависть приходится маскировать, чтобы её приняли, желательно перефразируя в добродетель: «Дело не в зависти, а в социальной справедливости».

Сама идея о том, что зависть по своей сути разрушительна, часто оспаривается. Разве не существует формы «позитивной зависти», которая подталкивает людей к самосовершенствованию? Разве зависть не является движущей силой, побуждающей людей к работе над собой? Путаница вокруг этого термина часто возникает из-за его повседневного использования. Например, когда я говорю: «Я завидую тебе, потому что у тебя такой красивый дом», я на самом деле имею в виду восхищение, а не зависть. Настоящая зависть не вдохновляет на личностный рост, скорее, она стремится принизить статус того, кому завидуют. Завистник хочет сократить разрыв между собой и субъектом его зависти не через своё развитие, а через ухудшение положения другого человека. Для того, кто испытывает зависть, видеть, как тот, кому он завидует, становится всё более несчастным, — это единственное подходящее успокоение.

В своей книге «Богатство как моральная проблема» (*«Reichtum als moralisches Problem»*) немецкий философ Кристиан Нойхойзер призывает к запрету на богатство. Он утверждает, что такой запрет оправдан, когда по мере того, как человечество в целом становится богаче, одна часть общества пропорционально получает больше, чем те, кто относительно бедны, поскольку в результате относительная бедность растёт. Нойхойзер считает, что один из способов решения проблемы

«относительной бедности» — не пытаться улучшить положение бедных, а отнять часть богатства у богатых.

По мнению философа-эгалитариста, такой подход через «выравнивание» может дать существенные преимущества. Даже не ведя напрямую к сокращению бедности, обнищание богатых людей само по себе было бы достижением, думает он. Было бы хорошо, пишет он, «если бы богатые стали менее богатыми. Потому что тогда у бедных значительно возрастает возможность участвовать в жизни общества в качестве равноправных членов и воспринимать себя таковыми».

Он утверждает, что неверно думать, «что уменьшение богатства богатых не принесёт никаких положительных результатов, а только отрицательные. Это положительно скажется на достоинстве бедных».

Нойхойзер прямо заявляет, что его главная забота не в том, как помочь бедным, а в том, как искоренить сомнительное с моральной точки зрения богатство. В этом и заключается суть зависти: завистник заинтересован не в улучшении положения тех, кому живётся хуже, а в ухудшении положения тех, кому завидуют (в данном случае богатых). Завистники меньше заинтересованы в борьбе с бедностью и больше заняты борьбой с неравенством.

Зависть существовала всегда, как метко заметил социолог Хельмут Шёк. Однако в прошлом общества пытались обуздать зависть, поскольку она воспринималась как разрушительное чувство. Но социалисты обнаружили, насколько полезной эмоцией и мощным инструментом может быть зависть, постоянно разжигая, подогревая и используя зависть к богатым в своих политических целях. Зависть стала политическим оружием. И их стратегия оказывается особенно эффективной в обществах, где равенство является идеалом. Потому что в таких обществах неравенство воспринимается как признак и проявление несправедливости. Всё чаще термины «неравенство» и «несправедливость» используются как синонимы.

Конечно, зависть не всегда связана с богатством. Любой, кто каким-либо образом выделяется среди других, может стать объектом зависти. В своём романе «2075. Когда красота стала преступлением» (*Wenn Schönheit zum Verbrechen wird*) я провожу следующий мысленный эксперимент: что

произойдёт, если возникнет политическое движение, заинтересованное не в борьбе с материальным неравенством, а в борьбе с предполагаемой «несправедливостью», заключающейся в том, что одни люди физически привлекательнее других?

Например, очевидно, что у красивых женщин больше шансов найти партнёра. Исследования привлекательности показали, что красивые люди также пользуются преимуществами в профессиональной сфере. Даже в зале суда к ним относятся снисходительнее, чем к менее привлекательным (слово «уродливый» сегодня считается табу и поэтому употребляется редко).

И вот тут-то на сцену выходит эгалитарное движение, утверждающее, что «красота несправедлива». Согласно программе этого движения, красота — незаслуженная привилегия, сравнимая с унаследованным богатством. Ведь, по мнению таких эгалитаристов, красота даёт преимущества в жизни, хотя она и не является результатом усилий и часто основана на удаче и генах.

Среди приверженцев «повесточки» привилегии считаются чем-то предосудительным. И любой, кто хоть в чём-то лучше обеспечен, чем так называемые «непривилегированные», считается привилегированным. Появилась даже страница [«Pretty Privilege» в Википедии](#).

В основе этого нарратива лежит утверждение о необходимости принятия мер для компенсации последствий «незаслуженных» привилегий.

«Привилегированные» должны страдать от каких-либо ограничений, чтобы восстановить справедливость (то есть добиться большего равенства). Миллиардеров следует обложить непомерными налогами, желательно до такой степени, чтобы денег у них вообще не осталось.

В моём вымышленном произведении «2075» все женщины в возрасте от 15 до 40 лет обязаны ежегодно проходить сканирование тела.

Искусственный интеллект затем сравнивает результаты сканирования с заданным идеалом красоты. Те, кто достигает соответствия 95% и выше, получают статус «привилегированных красавиц» (ПК).

Возникает «Движение за визуальную справедливость» (ДВС), которое, как и все экстремистские движения, первоначально зарождается в университетах. Вскоре «Партия справедливости» осознаёт потенциал

этой проблемы и начинает эксплуатировать зависть в своих электоральных интересах. Партия справедливости добавляет в свою политическую повестку требования «визуальной справедливости» и искоренения «незаслуженных привилегий» «излишне красивых». Придя к власти, Партия справедливости начинает проводить политику, направленную против ПК, начиная с повышения налогов, снижения зарплат и более низких оценок за университетские задания для женщин, оказывающихся ПК.

Но это ещё не всё. Как известно из реальной истории, движения, выступающие за равенство, быстро радикализуются и становятся всё более экстремальными. В моём романе то же самое происходит с «Движение за визуальную справедливость»: самые радикальные его члены захватывают власть. Они хотят разобраться с корнем проблемы. При режиме Партии справедливости молодые женщины, которых в возрасте 15 лет считают «излишне красивыми», принуждаются к предписанным правительством операциям по приведению черт их лиц в соответствие со средними социальными показателями. Эта практика политкорректно эвфемистически называется «пластической оптимизационной терапией», а термин «принудительная операция» запрещён. Более того, красивых женщин стерилизуют, ведь они с большей вероятностью родят слишком красивых детей.

Неужели всё это просто плод разыгравшегося воображения автора? В феврале, уже после того, как я закончил писать книгу, я наткнулся на статью в одной из ведущих ежедневных газет Германии (*Süddeutsche Zeitung*) под заголовком: «Разрыв между прекрасным и уродливым». В статье говорилось, что всё больше данных о человеческом поведении указывают на то, «что существует огромная пропасть между прекрасным и не столь прекрасным. И эта пропасть растёт». Это перекликается с почти ежедневными заголовками, жалующимися на якобы растущий «разрыв между богатыми и бедными».

В статье утверждается, что «разрыв между красивым и не очень красивым» «коварно» перемещается из цифрового пространства в офлайн-мир. Дискриминация по признаку привлекательности, как утверждается, — самая недооценённая форма дискриминации.

Хизер Виддоуз, профессор прикладной этики Уорикского университета, даже выступила с обращением к британскому парламенту по этому вопросу, призвав правительство сосредоточиться на обеспечении справедливости и в этой области. По данным немецкой газеты, это может стать «исторической отправной точкой для будущего массового движения против лукизма». Для тех, кто не совсем знаком с терминологией, «лукизм» — это предрассудки или дискриминация в отношении людей, чья внешность отклоняется от «общественно установленных норм». Эти нормы охватывают различные идеалы тела и красоты и, как правило, поддерживают представление о том, что, например, приемлемое тело — это подтянутое, здоровое и красивое. Что нам делать с этой «несправедливостью»? Ну, газета пишет: «Привлекательные люди пользуются преимущественным отношением во многих аспектах жизни. Можно ли преодолеть эту предвзятость с помощью бодипозитива? Или с помощью операций для всех?»

Возможно, я совершил ошибку, когда предположил, что нам придётся ждать до 2075 года, чтобы увидеть, как зависть мобилизуется против прекрасного. Шум, который недавно разразился из-за рекламы с участием американской актрисы Сидни Суини, — за которой последовали дебаты, в которых приняли участие вице-президент Вэнс и, в конечном итоге, сам Трамп, — является идеальным отражением сегодняшней культуры зависти. По всей видимости, спор был о предполагаемом расизме, но в своей основе он был сосредоточен на красивой женщине и её сексуальном магнетизме. В своей статье в консервативной британской ежедневной газете *The Daily Telegraph* Кэролайн Дауни утверждала, что проснувшиеся левые просто хотят, чтобы все было уродливо — вот почему они презирают Сидни Суини. Идея использования зависти, одной из самых базовых эмоций человечества, в политических целях заманчива — и продолжает работать, независимо от того, направлена зависть на богатых или на красивых.

Райнер Цительманн — автор книги [«В защиту капитализма»](#)